

КЛАССИЧЕСКИЕ И НЕКЛАССИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ. ТВОРЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Н.В.НАЛЕГАЧ
Кемеровский государственный университет

ПОЭТИКА СТИХОТВОРЕНИЯ Н. ГУМИЛЕВА «СЕМИРАМИДА» (1909)

Стихотворение Н. Гумилева «Семирамида» впервые было опубликовано в журнале «Аполлон» за 1909 г. под заглавием «Сады Семирамиды» сначала без посвящения И. Анненскому, а затем в следующем году в составе книги «Жемчуга» с посвящением «Светлой памяти И.Ф. Анненского». По мнению А. Ахматовой, стихотворение посвящено ей, на что указывает лунная символика, присутствующая здесь: «В стихах Николая Степановича везде, где луна (“И я отдал кольцо этой деве Луны...”) – это я. («Все пошло с “Русалки”, “Из города...”, “Нет тебя...” 1910, “Семирамида”. Жемчуга тоже мой атрибут)»¹. Посвящение И. Анненскому этого стихотворения объясняется ею тем, что незадолго до смерти он похвалил его: «Семирамида, вероятно, посвящ^{ена} И.Ф. А^{нненскому} потому, что он ее похвалил. Других причин нет, но она (“Семир^{амида}”), очевидно, примыкает к антилунным стихам (“А выйдет луна, затомится”, 1911. “Жену, что слишком была красива // И походила на луну”, конец – “Нет тебя тревожней и капризней” (цитата...) и “Я отдал кольцо этой *деве Луны*”, то “*Лунная дева*, то дева земная”, а еще просил отдать насовсем две мои “бродячие строчки”:

Я только голосом лебединым
Говорю с *неправедною луной*.

А Семирамида, кроме того, еще и мужеубийца. А *это* тоже его тема. <...> Сразу три слова»².

¹¹ Ахматова А. Н.С. Гумилев – самый непрочитанный поэт XX века // Ахматова А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью / Сосот., подгот. текста, коммент., ст. С.А. Коваленко. – М., 2001. С. 89.

² Там же. С. 105.

М. Баскер также указывает и на тайнопись, опирающуюся на поэтический опыт А.С. Пушкина и использованную Гумилевым в этом стихотворении, и на взаимосвязь его образности с отношением поэта к А. Ахматовой: «Описанные в нем висячие сады Вавилона с их “цистернами для розовой влаги” – само совершенство которых наводит ассирийскую королеву Семирамиду на мысль о самоубийстве – легко могут вызвать ассоциации с другим “висячим садом” и когда-то знаменитым “розовым полем”, сооруженными в Царском Селе “Семирамидой Севера” в восемнадцатом веке. Однако русским “двойником” лирической героини Гумилевского стихотворения поистине является, конечно, не Екатерина Великая, а опять-таки Анна Ахматова (здесь, как и часто бывает у Гумилева, тесно связанная с мотивами луны и “лунализма”). К тому же “Семирамида” посвящается “светлой памяти” еще одного Царскосельского поэта – И.Ф. Анненского»³. Таким образом, исследователь указывает еще одну причину посвящения этого стихотворения И. Анненскому – связь с Царским Селом и осмысление его в контексте легенды о “висячих садах Семирамиды”. Параллель далеко не случайная, поскольку это пространство царскосельских садов и парков было по признаниям самого И. Анненского местом, дарующим вдохновение. Эта мысль пронизывает его речь «Пушкин и Царское Село». Кстати, М. Баскер отмечает в своих примечаниях, что сам Анненский в той речи упоминал о «розовом поле», созданном в Царском в царствование «Семирамиды Севера»⁴. Таким образом, в сознании Гумилева, слышавшего эту речь во время празднования в Царском Селе юбилея Пушкина, могла возникнуть ассоциативная связь имени Семирамиды с образом Анненского, обращавшегося к ней.

Итак, попробуем рассмотреть взаимодействие разных слоев смысла, делая акцент на том, который связан с И. Анненским. Возможно, похвалой учителя посвящение этого стихотворения ему не исчерпывается.

Стихотворение представляет собой в каком-то смысле монолог древней царицы в духе брюсовских героев из цикла «Любимцы веков», начиная уже с первого стихотворения «Ассаргадон», открывающегося сходным образом: «Я – вождь земных царей и царь, Ассаргадон...»⁵. Ассоциация тем более прочная, что оба героя – ассирийские владыки. Брюсовская реминисценция усиливается и тем, что весь сборник по-

³ Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. – СПб., 2000. С. 83.

⁴ Там же. С. 107.

⁵ Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. / Под общ. ред. П.Г. Антокольского и др. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. 1892–1909. – М., 1973. С. 144.

священ Гумилевым ему как учителю. И тем не менее именно это стихотворение в подзаголовке имеет посвящение И. Анненскому. В своей статье, посвященной сопоставительному анализу стихотворений «Волшебная скрипка» и «Смычок и струны», мы уже наблюдали эффект соприсутствия в одном произведении двух учителей. Только в случае с «Волшебной скрипкой» ситуация была обратной: само стихотворение посвящено В.Я. Брюсову, а образный и мотивно-тематический ряд ориентирован на поэзию И. Анненского⁶.

Семирамида у Гумилева изначально предстает властной владычицей, чья судьба выступает как некий идеал для земных царей: «Для первых властителей завиден мой жребий»⁷. Более того, ее власть включает в себе богоборческое зерно, соперничество земли с небом, в котором земное выглядит торжествующим: «И боги не так горды». В следующих двух стихах строфы победительное соперничество воплощается в образе чудесного сада, устремляющегося и утверждающегося в небе и тем самым предстающего как некая лестница, ведущая от земли к небу: «Столпами из мрамора в пылающем небе / Укрепились мои сады».

Мраморные столпы, врезающиеся и укрепляющиеся в пылающем небе, с одной стороны, актуализируют мотив прочности власти царицы, но с другой, за счет образа пылающего неба, вызывают по ассоциативному принципу мотив гнева небожителей, которые лишь до поры до времени могут представляться доступными смертным, а на самом деле коварно готовят кару за святотатственную попытку штурмовать небеса. С одной стороны, этот мотив напрямую восходит к традициям древнегреческой трагедии, но в контексте посвящения уместно вспомнить о переводческой деятельности И. Анненского относительно наследия Еврипида, а также о его собственных пьесах, особенно об «Иксионе» и «Фамире-кифареде». В них мотив близости небожителей и смертных соседствует с мотивами коварной мстительности Зевса, а также с огненной расплатой гордецам: Иксиона навсегда распинают в огненном колесе, а Фамира выжигает себе глаза. В стихотворении Н. Гумилева образ пылающего неба оказывается насыщен символикой огненной стихии, губительной для садов и таящей в себе вполне определенную угрозу испепеления возгордившейся царицы и дела рук ее.

⁶ *Налегач Н.В.* «Волшебная скрипка» Н. Гумилева и «Смычок и струны» И. Анненского (об одном диалоге в русской поэзии) // Проблемы литературных жанров. Ч. 2. Русская литература XX века. – Томск, 2002. С. 41–44.

⁷ Зд. и далее стихотворение Н. Гумилева «Семирамида» приводится по изданию: *Гумилев Н.С.* Полное собр. соч.: В 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). – М., 1998. С. 251.

Тем не менее, во второй строфе эта таящаяся угроза отступает перед красотой и мудростью устроенного Семирамидой мира, основанного на искусстве и тайном знании: «Там рощи с цистернами для розовой влаги, / Голубые, нежные мхи, / Рабы и танцовщицы, и мудрые маги, / Короли четырех стихий». Казалось бы, законы красоты и мудрости выступают здесь гарантом «четверогласия», гармонизации стихий, что и обеспечит прочность и укрепит торжество замыслов и дел царицы. И третья строфа открывается восторженным любованием связующим небо и землю садом: «Все манит и радуется, все ясно и близко, / Все таит восторг тишины». Однако эта упоительная картина обрывается изображением странного состояния, охватывающего Семирамиду: «Но каждую полночью так странно и низко / Наклоняется лик луны». Именно близость неба приближает пугающий и завораживающий лик луны.

Мотив угрозы, исходящей от небожителей и сгущающейся над царицей, начинает получать здесь определенность. Стремление возвыситься, подняться к небу не только вызывает сопротивление самих богов, но по самой своей сути оказывается внутренне страшным и для возвышающегося, который получает возможность близко заглянуть в божественный лик, который издалека может представлять прекрасным, а вблизи пугающим: «И в сумрачном ужасе от лунного взгляда, / От цепких лунных сетей». Ирония заключается в том, что близость к Богу, насильно вырываемая человеком, не несет ожидаемого самоутверждения в мире, хотя извне так и может казаться, как кажутся висящими в небе чудесные сады Семирамиды.

Коварство небожителей проявляется здесь в очаровывающем лунном взгляде (луна здесь вполне традиционно связывается с зачастую губительным для человека колдовством, ср. с др.-греч. культом Гекаты), под воздействием которого Семирамида сама готова себя наказать за гордое утверждение своей власти в попытке связать небо и землю. Символична внушаемая лунным взглядом казнь, назначенная царице: «Мне хочется броситься из этого сада / С высоты семисот локтей». Царица, вознесшаяся своей властью к небесам, подобно Икару, Беллерофонту или Фазтону неминуемо должна будет пасть. И чем выше и «прочнее» человеку удастся утвердиться в небе, тем головокружительнее и стремительнее предстоит ему падение.

Стихотворение не ставит точки в судьбе Семирамиды. Она остается очарованною странным и губительным для нее желанием броситься вниз. Выход к биографии реальной Семирамис / Шаммурамат (кон. 9 в. до н. э.) здесь вряд ли будет уместен, тем более что сами сады были созданы намного позже и лишь легендой связаны с ее именем. И вновь возникает вопрос, почему это стихотворение, очевидно

ориентированное на брюсовскую традицию, посвященное, по мнению А. Ахматовой, именно ей все же посвящено памяти И. Анненского?

Здесь возможны несколько ответов в дополнение к тем, что уже были приведены ранее. Первый из напрашивающихся – сравнение легендарной Семирамиды либо с И.Ф. Анненским, либо с его героями, например, с Иксионом или Фамирой. Основанием тому выступает и мотив угрозы небожителей дерзающему человеку, и античная, в широком смысле этого слова, атмосфера стихотворения, и утверждение как основы мира, созданного царицей, красоты и мудрости. Здесь конечно вспоминается эстетическая программа Анненского, реализованная в его поэзии. Суть ее строится на особом преодолевающем, трагическом характере красоты: «И в чем тайна красоты, в чем тайна и обаяние искусства: в сознательной ли вдохновенной победе над мукой, или в бессознательной тоске человеческого духа, который не видит выхода из круга пошлости, убожества или недомыслия и трагически осужден казаться самодовольным и безнадежно фальшивым» («Сентиментальное воспоминание») ⁸. А также в эту концепцию творчества входит сочетание красоты и мудрости, с преобладанием последней: «Пусть для ваших открытых сердец / До сих пор это – светлая фея / С упоительной лирой Орфея, / Для меня это – старый мудрец» («?») ⁹. Не случайно тот же Н. Гумилев в «Письмах о русской поэзии» отмечал: «И. Анненский тоже могуч, но мощью не столько Мужской, сколько Человеческой. У него не чувство рождает мысль, как это вообще бывает у поэтов, а сама мысль крепнет настолько, что становится чувством, живым до боли даже» ¹⁰.

Во-вторых, ключом к посвящению может выступать жизнетворческий подтекст, в котором судьба и поэзия И. Анненского оказалась втянутой в личностную мифологию А. Ахматовой. Так, книга «Жемчуга» стала подарком Н. Гумилева невесте во время венчания. Кстати, последний раздел этой книги «Романтические цветы» посвящен ей, а эпиграфом к нему даны строки из стихотворения И. Анненского «Смычок и струны», в которых опять-таки сплетаются мотивы муки и красоты, музыки, рождающейся из преодоления муки, по крайней мере, в гармонии звучания: «И было мукою для них, / Что людям музыкой казалось».

Соединение имен И. Анненского и А. Ахматовой в «Жемчугах» Н. Гумилева подпитывается и еще несколькими легендами. Так, дол-

⁸ *Анненский И.Ф.* Стихотворения и трагедии / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. А.В. Федорова. – Л., 1990. С. 217.

⁹ Там же. С. 67.

¹⁰ *Гумилев Н.С.* Жизнь стиха // Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии / Сост. Г.М. Фридендер (при участии Р.Д. Тименчика). – М., 1990. С. 51.

гожданное согласие А. Горенко стать женой Н. Гумилева по времени почти совпадает с «переворачивающим» ее внутренний мир знакомством со стихотворениями «Кипарисового ларца». Более того, в воспоминаниях современников об И. Анненском сохранилась фраза, которой А. Ахматова гордилась до конца своих дней. Так, реагируя на новость о женитьбе С.В. Штейна на сестре А. Горенко, Анненский якобы произнес, что выбрал бы другую, имея в виду Анну Андреевну. На значимость и известность этой легенды в среде, близкой А. Ахматовой и Н. Гумилеву указывает то, что даже О.Н. Арбенина повторяет ее в своих воспоминаниях: «Ахматова, я думаю, была в восторге, что Анненский сказал, что на месте Штейна женился бы не на сестре А., а на ней самой»¹¹. Таким образом, в связи с ней возникает образ возлюбленной, достойной поэта. С другой стороны, эта фраза ненавязчиво отсылает к ситуации из «Евгения Онегина», когда Онегин бросает Ленскому практически эту же фразу, отдавая предпочтение Татьяне: «"Неужто ты влюблен в меньшую?" / — А что? — "Я выбрал бы другую, / Когда б я был как ты поэт»¹². Интересно, случайно ли у Ахматовой в ее позднем цикле «Тайны ремесла» имена Пушкина и Анненского и отдельные стихотворения им посвященные, окажутся рядом?

Возвращаясь к стихотворению Н. Гумилева, получаем неожиданный результат. За очевидным посвящением памяти И. Анненского прослепывает скрытое от посторонних глаз послание к А. Ахматовой. Тайный смысл этого послания, возможно, заключается и в особом признании Ахматовой как поэта, наследующего Анненскому, «но только теперь, когда поэзия завоевала право быть живой и развиваться, искатели новых путей на своем знамени должны написать имя Анненского, как нашего "Завтра" <...> "Кипарисовый ларец" — это катехизис современной чувствительности»¹³, и, соответственно, входящего в избранный круг акмеистов, но также и в признании ее в качестве идеальной возлюбленной поэта, претендующего быть главой нового направления, наследующего традициям И. Анненского.

¹¹ *Гильдебранд-Арбенина О.Н.* Гумилев / публикация М.В. Толмачева, примеч. Т.Л. Никольской // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. — СПб., 1994. С. 465.

¹² *Пушкин А.С.* Полное собр. соч.: В 17 т. Т. 6. — М., 1995. С.53.

¹³ *Гумилев Н.С.* «Письма о русской поэзии». Рецензии на поэтические сборники // Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии / Сост. Г.М. Фридендер (при участии Р.Д. Тищенко). — М., 1990. С. 100.